

**Министерство высшего и среднего специального
образования Украинской ССР**

**Харьковский ордена Трудового Красного Знамени
юридический институт имени Ф. Э. Дзержинского**

А. А. ПИНАЕВ

**ОСОБЕННОСТИ СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
С ДВОЙНОЙ И СМЕШАННОЙ
ФОРМАМИ ВИНЫ**

Учебное пособие

**ХАРЬКОВ
ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
1984**

В учебном пособии анализируется не нашедшая единого решения в уголовном праве проблема двойной и смешанной вины: раскрывается содержание этих понятий, дается примерный перечень преступлений с двойной и смешанной формами вины и устанавливается их соотношение с рядом положений Общей части уголовного закона, рассматриваются вопросы квалификации.

Пособие рассчитано на студентов, аспирантов и преподавателей юридических вузов.

Рецензенты: председатель Харьковского областного суда **Ф. Д. Дьяченко**; кандидат юридических наук доцент Харьковского филиала Института повышения квалификации руководящих кадров Прокуратуры СССР **А. Б. Зозулинский**.

ВВЕДЕНИЕ

В соответствии с ч. 2 ст. 3 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик¹ и УК УССР² уголовному наказанию может быть подвергнут лишь тот, кто виновен в совершении преступления. Раскрывается же это понятие в ч. 1 ст. 3 Основ и УК, где говорится, что виновным признается лицо, «умышленно или по неосторожности совершившее предусмотренное уголовным законом общественно опасное деяние».

Приведенные обстоятельства, как считают некоторые советские криминалисты, предполагают единственный вывод: конкретное преступление может быть либо умышленным, и тогда психическое отношение виновного к совершаемому им деянию и его последствиям соответствует определению, содержащемуся в ст. 8, либо неосторожным, подпадающим под признаки, описанные в ст. 9 Основ и УК. Никаких других форм вины, кроме умышленной и неосторожной, в природе не существует³.

Однако это мнение оспаривается. В уголовно-правовой литературе давно ведется дискуссия о существовании наряду с умышленной и неосторожной таких форм вины, как двойная и смешанная, и выдвигаются две самостоятельные концепции.

В соответствии с первой — более распространенной — смешанная (двойная, сложная) форма вины присуща ряду составов преступлений. Согласно этой концепции указанная терминология не имеет смыслового различия. П. С. Дагель, например, писал: «Существование смешанной формы вины (иногда ее именуют сложной или двойной формой вины) признается в настоящее время

¹ В дальнейшем — Основы.

² В дальнейшем — УК.

³ См.: Волков Б. С. Проблема воли и уголовная ответственность. — Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 1965, с. 41; Сахаров А. Б. Ответственность за должностные преступления по советскому уголовному праву. — М.: Госюриздат, 1965, с. 114. Светлов А. Я. Ответственность за должностные преступления. — Киев: Наук. думка, 1978, с. 65—68 и др.

большинством советских криминалистов»¹. Однако сторонники такой формы вины расходятся в определении количества ее вариантов. Одни признают вину смешанной при любом сочетании ее видов: прямого умысла с косвенным умыслом, или самонадеянностью, или небрежностью; косвенного умысла с самонадеянностью или небрежностью; самонадеянности с небрежностью². Другие эту форму вины видят в сочетании прямого умысла с косвенным, а также умысла (как прямого, так и косвенного) с самонадеянностью и небрежностью³, исключая, таким образом, из всех возможных вариантов «самонадеянность — небрежность». Наконец, некоторые авторы признают вину смешанной лишь при сочетании умысла (прямого или косвенного) с неосторожностью (самонадеянностью или небрежностью)⁴.

Сторонники второй концепции считают, что объективно существует двойная вина, когда в одном преступлении одновременно наличествуют все признаки, присущие и умыслу (прямому либо косвенному), и неосторожности (самонадеянности либо небрежности). Причем в этих составах, по их мнению, обе формы вины совер-

¹ Дагель П. С., Котов Д. П. Субъективная сторона преступления и ее установление.— Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1974, с. 158. См. также: Горбуза А. Д. Смешанная форма вины по советскому уголовному праву: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук.— М., 1972, с. 7; Григорьев В. С. С точки зрения практики.— Сов. юстиция, 1980, № 22, с. 29; Дагель П. С. Проблемы вины в советском уголовном праве.— Владивосток: Изд-во ДВГУ, 1968, с. 133—135; он же. Дискуссия не закончена.— Сов. юстиция, 1980, № 22, с. 29—30; Корчева З. Г. К вопросу о составах преступлений со сложной формой вины.— В кн.: Науч. конф. профессорско-преподавательского состава Харьков. юрид. ин-та (февраль 1968 г.): Тез. докл. Харьков: Изд-во Харьков. ун-та, 1968, с. 181—183; она же. Сложная форма вины в преступлениях, связанных с нарушением специальных правил. — В кн.: Проблемы соц. законности на современном этапе ком. стр-ва: Краткие тез. докл. и науч. сообщ. респ. науч. конф. 21—23 ноября 1978 г. Харьков: Юрвуз 1978, с. 203—204; Куринов Б. А. Квалификация транспортных преступлений.— М.: Госюриздат, 1965, с. 136; он же. Автотранспортные преступления.— М.: Юрид. лит., 1970, с. 87; Зелінський А. Визначення форм вини у вчиненні деяких злочинів.— Рад. право, 1977, № 8, с. 76.

² См.: Советское уголовное право: Часть Общая.— М.: Юрид. лит., 1964, с. 139.

³ См.: Советское уголовное право: Часть Общая.— М.: Юрид. лит., 1962, с. 156—158.

⁴ См.: Дагель П. С., Котов Д. П. Указ. раб., с. 169—172.

шенно самостоятельны, независимы друг от друга, они не могут сливаться (сочетаться) и образовывать единую новую, неизвестную общей части УК (двойную или смешанную) форму. Таким образом, две вины или двойная вина в рамках одного состава возможны, но двойной или смешанной формы вины как единого понятия не существует¹.

В связи с изложенным следует заметить, что теория, по которой вина в преступном поведении не ограничивается только умыслом и неосторожностью, находит все большее признание. Об этом свидетельствует уже то, что о проблеме двойной и смешанной форм вины говорится в программе курса «Советское уголовное право» и в соответствующих разделах учебников, значительное место отводится ей и в монографической литературе.

Тем не менее нельзя считать данную проблему решенной, поскольку все еще остаются не до конца выясненными следующие основные вопросы:

1. Имеются ли в уголовном законодательстве составы преступлений, в которых отношение лица к деянию и последствиям выражается в двойной или смешанной формах вины?

2. Если такие составы объективно существуют, то соответствует ли в них психическое отношение лица к деянию и последствиям законодательному определению вины?

3. При объективном существовании таких составов в каких случаях их следует относить к умышленным преступлениям, а в каких — к неосторожным?

Все эти вопросы взаимосвязаны, последующие не только вытекают из предыдущих, но и не могут быть решены в отрыве от них. Причем, если два первых в большей мере носят теоретический характер, то третий имеет чрезвычайно важное практическое значение: от его решения зависит не только наиболее точное определение характера и степени общественной опасности содеянного и личности виновного, но и правильное применение норм о назначении осужденным к лишению

¹ См.: Кригер Г. Определение форм вины.— Сов. юстиция, 1979, № 20, с. 6; Курс советского уголовного права: Часть Общая.— Л.: Изд-во ЛГУ, 1968, т. 1, с. 438; Портнов И. Двойная вина в практике применения уголовного закона.— Сов. юстиция, 1980, № 23, с. 26—29 и др.

свободы вида ИТУ и признании их особо опасными рецидивистами, об условном осуждении к лишению свободы с обязательным привлечением к труду, условно-досрочном освобождении от наказания, условном освобождении из мест лишения свободы с обязательным привлечением к труду, применении актов амнистии и пр. Поэтому совершенно прав Г. А. Кригер, который, критикуя концепцию смешанной формы вины, упрекал ее сторонников в том, что они «оставляют без внимания важнейший вопрос — умышленным или неосторожным при смешанной форме вины следует считать в целом совершение преступления»¹.

Автор данного учебного пособия считает необходимым отметить, что он придерживается мнения о существовании и двойной, и смешанной форм вины², о которых можно вести речь только при сочетании в одном составе умысла (прямого или косвенного) либо его признаков с неосторожностью (самонадеянностью или небрежностью).

Сказанное вытекает из того, что уголовному праву известны две формы вины, сформулированные в законе: умышленная (ст. 8 УК) и неосторожная (ст. 9 УК). Поэтому двойной или смешанной может быть только такая вина, которая полностью или частично вмещает в себе обе формы. Если же в деянии содержатся признаки, присущие прямому и косвенному умыслу либо самонадеянности и небрежности, то «сдвигания» или «смещения» здесь не происходит — содеянное в целом остается в пределах одной формы вины (умышленной или неосторожной). Как справедливо замечал П. С. Дагель, «смешанная форма вины, сочетая признаки умысла и неосторожности и занимая промежуточное положение между ними, имеет производный ха-

¹ Кригер Г. А. Еще раз о смешанной форме вины.—Сов юстиция, 1976, № 3, с. 5. См. также: При определении форм вины нужно исходить из требований закона (итоги дискуссии).—Сов юстиция, 1980, № 24, с. 25.

² В связи с этим изложение материала в учебном пособии приближено к данной концепции и в нем, из-за ограниченности объема и с учетом назначения работы, не дается детального анализа этих точек зрения (по данному вопросу см. Дагель П. С., Котов Д. П. Указ. раб., с 161—164).

актер от этих двух основных форм вины»¹. Эта точка зрения лежит в основе решения проблем, поставленных в настоящей работе.

Учебное пособие написано применительно к УК Украины. Однако при этом подразумеваются и соответствующие статьи кодексов других союзных республик, если они, разумеется, полностью совпадают по своим признакам с составами, сформулированными в УК СССР. Последнее имеет важное значение, поскольку различное определение того или иного преступления в кодексах приводит и к различной обрисовке в них психического отношения виновного к содеянному. Примером могут служить ст. 111 УК СССР и ч. 2 ст. 127 УК РСФСР, сопоставительный анализ которых позволяет заключить, что в них формулируются тождественные преступления — оставление в опасности. Однако в ч. 2 ст. 111 УК СССР установлена ответственность за квалифицированный состав этого посяательства (то же деяние, если оно повлекло смерть лица, оставленного без помощи, или иные тяжкие последствия), сконструированный так, что в нем предполагается двойная форма вины, чего нет в УК РСФСР. Подобные расхождения в кодексах союзных республик встречаются довольно часто. В этой связи, а также с целью избежать разночтений в толковании признаков конкретных составов преступлений, в предлагаемом пособии диспозиции соответствующих статей кодекса Украины воспроизводятся дословно.

1. ПОНЯТИЕ ДВОЙНОЙ ФОРМЫ ВИНЫ

Советскому уголовному законодательству известны составы, сконструированные «из двух или более преступных деяний, каждое из которых, если рассматривать их в отдельности, представляет собой самостоятельное преступление, но которые в силу их органического единства образуют единое преступление, охватываемое одной статьей уголовного кодекса»². Иными словами, эти составы представляют собой учтенную законода-

¹ Дагель П. С., Котов Д. П. Указ. раб., с. 172.

² Бажанов М. И. Назначение наказания по советскому уголовному праву.—Киев: Вища школа, 1980, с. 85. См. также: Кузнецова Н. Ф. Значение преступных последствий.—М.: Госюриздат, 1958, с. 117.

телем совокупность двух (или более — в дальнейшем это подразумевается) преступлений¹.

Формулируя такие составы (их принято называть составными или сложными), законодатель может объединить два посягательства с одинаковой формой вины. Например, разбой, соединенный с причинением тяжких телесных повреждений, — ч. 2 ст. 86 либо ч. 3 ст. 142 УК — включает в себя деяния, описанные в ч. 1 ст. 86 либо в ч. 1 или 2 ст. 142 и в ст. 101 УК, каждое из которых является умышленным преступлением. В этих случаях никаких проблем в установлении субъективной стороны не возникает, поскольку все входящие в совокупность посягательства предполагают одну и ту же форму вины. Здесь отношение лица к содеянному можно сформулировать следующим образом: совершая разбойное нападение и причиняя тяжкое телесное повреждение потерпевшему, виновный сознает, что его действия являются общественно опасными, предвидит причинение ущерба собственности и здоровью человека и желает наступления таких последствий.

Однако законодатель нередко в один состав объединяет преступления и с различными формами вины. Правда, не во всех случаях учтенной совокупности преступления четко называются, как это имеет место в упомянутом составе разбоя. Чаще законодатель использует такую терминологию, как «человеческие жертвы», «гибель людей», «смерть потерпевшего», «несчастные случаи с людьми», «длительное расстройство здоровья», «тяжкие последствия», «особо тяжкие последствия» и др. Тем не менее общеизвестно, что под человеческими жертвами, гибелью людей и смертью потерпевшего здесь подразумевается убийство по неосторожности (ст. 98 УК), под несчастными случаями с людьми — такое же убийство или неосторожное телесное повреждение (ст. 105 УК), под длительным расстройством здоровья — неосторожное телесное повреждение², а под тяжкими и

особо тяжкими последствиями¹ подразумеваются как убийство либо причинение телесных повреждений по неосторожности, так и неосторожное уничтожение или повреждение имущества (ст. 90 УК), а также и другие, специфические для конкретного состава последствия².

Очевидно, что в том или ином преступлении указанные выше понятия могут иметь более широкое содержание, выражаться и в других вредных изменениях в общественных отношениях. Причем в одних случаях их причинение само по себе образует отдельное неосторожное преступление, в других — причинение таких последствий по неосторожности самостоятельного состава не содержит (имеется в виду сочетание нескольких альтернативных последствий в рамках одного состава). Например, по ч. 2 ст. 217¹ УК наступает ответственность, когда самовольная без надобности остановка поезда повлекла несчастные случаи с людьми. Выразаться эти несчастные случаи могут в человеческих жертвах, что само по себе является убийством по неосторожности (ст. 98 УК), в причинении тяжких или средней тяжести телесных повреждений (ст. 105 УК) либо в причинении «легких телесных повреждений с расстройством здоровья»³, что не влечет за собой самостоятельной уголовной ответственности при неосторожной вине. Поэтому в дальнейшем при анализе преступлений с двойной формой вины имеются в виду такие ситуации, при которых последствия, указанные в конкретных статьях УК (тяжкие, особо тяжкие и др.), образуют отдельное преступление.

Примером такого состава является умышленное тяжкое телесное повреждение, вследствие которого наступила смерть потерпевшего (ч. 3 ст. 101 УК). В данном случае, как справедливо замечает М. Г. Угрехелидзе, «законодатель объединил умышленное тяжкое телес-

¹ Правильным представляется сделанный А. С. Михлиным вывод, что «уголовные кодексы не вкладывают в термин «особо тяжкие последствия» какого бы то ни было специального содержания. Практически закон называет тяжкими и особо тяжкими одни и те же последствия» (Михлин А. С. Указ. раб., с. 50).

² См.: Михлин А. С. Указ. раб., с. 47.

³ Уголовный кодекс Украинской ССР: Научно-практический комментарий. — Киев: Политиздат Украины, 1978, с. 574.

¹ См.: Бажанов М. И. Указ. раб. с. 86.

² См.: Михлин А. С. Последствия преступления. — М.: Юрид. лит., 1969, с. 38.

ное повреждение с неосторожным убийством в один общий состав, применив модель идеальной совокупности преступлений»¹, предусмотренных ч. 1 или 2 ст. 101 и ст. 98 УК. Поэтому здесь в рамках одного состава условно можно определять вину отдельно в отношении деяния и первого (основного) последствия — тяжких телесных повреждений, и отдельно в отношении второго последствия (квалифицирующего)² — смерти потерпевшего. Иными словами, в случаях учтенной законодателем совокупности нескольких преступлений с различными формами вины психическое отношение лица к деянию и последствиям может определяться как бы самостоятельно в отношении каждого входящего в совокупность преступления. На это указывает и Пленум Верховного Суда СССР в своем постановлении от 27 июня 1975 г. «О судебной практике по делам об умышленном убийстве»: «Судам необходимо отграничивать умышленное убийство от умышленного причинения тяжкого телесного повреждения, повлекшего смерть потерпевшего, когда отношение виновного к наступлению смерти выражается в неосторожность»³.

Приведенные суждения не могут вызвать серьезных возражений. Действительно, если какое-либо преступление сконструировано законодателем из двух отдельных составов, ответственность за которые установлена различными статьями уголовного кодекса, как в приведенном примере, то это предполагает не только наличие двух последствий — (1) тяжкого телесного повреждения и (2) смерти потерпевшего, — но и определенную специфику психического отношения лица к каждому из этих последствий. Такой вывод с неизбежностью вытекает из самой сути конструкции закона: если в сложный состав входят два отдельных преступления, то они включены в эту совокупность полностью, т. е. со всеми объ-

¹ Угрехелидзе М. Г. Проблемы неосторожной вины в уголовном праве. — Тбилиси: Мецниереба, 1976, с. 89—90.

² Делить последствия на «основные», «квалифицирующие» и «отягчающие» предложил А. С. Михлин (см.: Указ. раб., с. 38).

³ Бюллетень Верховного Суда СССР, 1975, № 4, с. 8—11.

ективными и субъективными признаками¹. Поэтому здесь фактически невозможно существование или умысла, или неосторожности — они всегда присутствуют одновременно. Как отмечает Г. А. Кригер, «в данном случае речь идет о двух, порожденных одним и тем же деянием, последствиях, к которым у лица имеется разнородное психическое отношение, укладываемоеся в законодательные конструкции умысла и неосторожности»².

Однако Г. А. Кригер и некоторые другие авторы не считают, что в подобных ситуациях создается двойная форма вины. Они полагают, что в таких составах умысел и неосторожность существуют совершенно самостоятельно, независимо друг от друга.

С этим трудно согласиться, поскольку вину можно определить только как единый психологический акт по отношению к содеянному в целом, а не к какой-то одной его части³. Такое решение вопроса обусловлено тем, что «психическое содержание действия раскрывается обычно не из изолированно взятого акта, не из отдельного фрагмента, а из системы деятельности. Лишь учитывая деятельность индивида, а не только какой-нибудь изолированный акт, и соотнося ее с теми конкретными условиями, в которых она совершается, можно адекватно раскрыть то внутреннее психологическое содержание действий и поступков, которое может быть высказано и может быть утаено в высказываниях человека, но обнаруживается в его действиях»⁴.

¹ П. С. Дагель считал подобный подход неправильным, полагая, что «нельзя рассматривать это преступление как совокупность двух различных преступлений — умышленного нанесения тяжких телесных повреждений и неосторожного убийства, поскольку все деяние предусмотрено одним составом преступления» (Дагель П. С., Котов Д. П. Субъективная сторона преступления и ее установление. — Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1974, с. 166). Это положение приводит к отрицанию составов с учтенной законодателем совокупностью преступлений, что противоречит объективной конструкции многих общественно опасных деяний в уголовном законе.

² Кригер Г. Определение форм вины. — Сов. юстиция, 1979, № 20, с. 5.

³ Фролов Е., Свинкин А. Двойная форма вины. — Сов. юстиция, 1969, № 7, с. 7.

⁴ Рубинштейн С. П. Основы общей психологии. — М.: Учпедгиз, 1946, с. 29.

Указанное общее положение дает возможность сделать ряд выводов. Во-первых, с объективной стороны любой состав преступления с учтенной законодателем совокупностью представляет собой единое целое. Объективная сторона может быть расчленена только искусственно, например, для более детального научного исследования, для собирания доказательств в процессе правоприменительной деятельности и т. п. Фактически же она неделима, неразрывна, цельна. В этой связи, во-вторых, вина в анализируемых составах также может быть расчленена только искусственно. Субъективная сторона, как известно, является как бы зеркальным отражением объективной стороны. Поэтому и отражать ее она должна не по частям, а полностью, т. е. представлять собой единое целое. Следовательно, и говорить, что в составах с учтенной законодателем совокупностью преступлений возможно определение вины отдельно по отношению к основному и к квалифицирующему последствиям можно только условно. Фактически вина в этих случаях в такой же мере неделима, неразрывна, цельна, как и объективная сторона. Правильно писал В. Д. Меньшагин: «Исходя из единства субъективной и объективной сторон состава любого преступления, необходимо вопрос о содержании умысла и неосторожности ... решать в соответствии с особенностями объективной стороны состава данного преступления»¹.

На основании изложенного можно заключить, что в составах с учтенной законодателем совокупностью нескольких преступлений, одно из которых является умышленным, а второе — неосторожным, вина не может быть выражена в какой-либо одной типичной форме, поскольку в них психическое отношение лица к деянию и последствиям не имеет единого определения в Общей части УК. В этих случаях происходит сочетание умысла (ст. 8 УК) и неосторожности (ст. 9 УК). Иными словами: из двух известных закону форм вины образуется новая, но единая форма.

Так, в ч. 3 ст. 101 УК эту вину можно сформулировать, например, следующим образом: нанося тяжкое те-

лесное повреждение, лицо сознает, что действует общественно опасно, предвидит причинение ущерба здоровью человека и сознательно допускает наступление такого последствия, но не предвидит при этом смерти потерпевшего, хотя должно было и могло ее предвидеть. Здесь образуется именно та детерминированная умыслом неосторожность (*culpa dolo determinata*), о которой еще в прошлом веке говорил видный немецкий криминалист А. Фейербах.

Следует также заметить, что из смысла ряда статей кодексов союзных республик можно сделать однозначный вывод о формулировании в них вины, совмещающей в себе признаки умысла с неосторожностью. Так, в ст. 11 УК Грузинской ССР говорится: «Если уголовный закон предусматривает повышение наказания ввиду наступления тяжкого последствия, не охватываемого умыслом виновного, то такое повышение может иметь место лишь в том случае, когда лицо должно было и могло предвидеть наступление этого последствия»; п. 1 ч. 2 ст. 107 УК Эстонской ССР устанавливает ответственность за умышленное нанесение особо тяжкого телесного повреждения «в случае причинения по неосторожности смерти потерпевшему», а в ст. 156 этого же кодекса говорится об умышленной потраве посевов или повреждении насаждений, следствием чего явилось причинение «по неосторожности крупного материального ущерба государству или общественной организации».

Таким образом, в любом составе с учтенной законодателем совокупностью преступлений (с различными формами вины), который по своим объективным свойствам всегда является единым посягательством, вина не может не представлять собой единого психического отношения лица в целом к деянию и его последствиям. В этих составах в содержание вины включаются все описанные в законе признаки умысла (прямого или косвенного — ст. 8 УК) и все признаки неосторожности (самонадеянности или небрежности — ст. 9 УК). Выражается она (вина) в форме, которую вполне правомерно называть двойной, т. е. состоящей из двух сформулированных в законе, но в то же время по содержанию совершенно самостоятельной, отличной от каждой из них в отдельности.

¹ Пионтковский А. А., Меньшагин В. Д. Курс советского уголовного права: Особенная часть.— М.: Госюриздат, 1955, т. 1, с. 305.

К сказанному следует добавить, что признание факта существования в рамках одного состава совершенно самостоятельных, независимых друг от друга различных форм вины, как предлагает Г. А. Кригер, создает непреодолимые препятствия в правоприменительной деятельности, поскольку для решения многих вопросов, связанных с уголовной ответственностью, назначением наказания, освобождением от него и др., необходимо определить единую вину для преступления в целом.

С другой стороны, следует признать недостаточно убедительным попытку доказать, что в том же составе умышленного тяжкого телесного повреждения, повлекшего за собой смерть потерпевшего, двойная форма вины отсутствует. А. Я. Светлов, например, обосновывает это следующим образом: 1) нельзя вину при нанесении тяжкого телесного повреждения, в результате которого наступила смерть потерпевшего, искусственно расчленять на две части; 2) при признании в данном составе двойной формы вины невозможно было бы установить критерий, который должен лежать в основе отграничения этого преступления от неосторожного убийства; 3) непонятно, как следует относиться к преступлениям с двойной формой вины с «точки зрения их общественной опасности»¹.

Такая аргументация, как представляется, в большей мере подтверждает концепцию двойной и смешанной форм вины, чем опровергает ее. Во-первых, эта концепция, как говорилось выше, не предполагает расчленения вины на две части. Во-вторых, наиболее полно установить отграничительные признаки анализируемого преступления от неосторожного убийства можно только при условии исследования субъективной стороны с позиции двойной формы вины. «Игнорирование смешанной формы вины, характерной для состава, предусмотренного ч. 2 ст. 108 УК РСФСР,— писал П. С. Дагель,— порождает предложения ликвидировать этот состав и рассматривать тяжкие телесные повреждения, повлекшие смерть потерпевшего, как умышленное убийство»². Степень же общественной опасности любого посягательства

ва, в том числе и данного, максимально точно может быть определена при условии полного установления всех признаков содеянного, в том числе и всех особенностей его субъективной стороны, что, несомненно, в большей мере достижимо с позиции двойной формы вины.

К этому можно добавить: предложение А. Я. Светлова — считать преступление, сформулированное в ч. 3 ст. 101 УК, чисто умышленным — логически должно привести к выводу о возможности приготовления к совершению умышленного тяжкого телесного повреждения, вследствие которого наступит смерть потерпевшего, покушения на него и соучастия в нем. А это противоречило бы положениям, сформулированным в ст. 17 и 19 УК, о чем подробнее речь пойдет ниже.

Нельзя не обратить внимания и на то, что противники нетипичных форм вины в своих утверждениях не всегда последовательны. Н. Ф. Кузнецова, например, считая абсурдным положение, что «можно умышленно причинить неосторожное преступное последствие»¹, в то же время утверждает: «... в тяжких телесных повреждениях основной ущерб — вред здоровью, причиняется умышленно, смерть же наступает вследствие неосторожной вины»², хотя оба эти последствия являются результатом одного и того же действия.

Наконец, судебная практика вину в подобных составах определяет всегда по отношению к основному последствию и последствию квалифицирующему, т. е. в конечном счете формулирует ее как двойную. Например, по делу Ермакова, необоснованно осужденного по п. «б» ст. 102 УК РСФСР, Президиум Верховного Суда РСФСР указал: «Если при умышленном причинении тяжких телесных повреждений потерпевшему, повлекших смерть, виновный неосторожно относился к последствиям своих действий, преступление не может быть квалифицировано как умышленное убийство, а подлежит квалификации по ч. 2 ст. 108 УК РСФСР»³.

¹ Кузнецова Н. Ф. Ответственность за приготовление к преступлению и покушению на преступление по советскому уголовному праву.— М.: Изд-во МГУ, 1958, с. 138—139.

² Кузнецова Н. Ф. Значение преступных последствий.— М.: Госюриздат, 1958, с. 136—137.

³ Сборник постановлений Президиума и определений Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР. 1964—1972.— М.: Юрид. лит., 1974, с. 283.

¹ Светлов А. Я. Ответственность за должностные преступления.— Киев: Наук. думка, 1978, с. 66—67.

³ Дагель П. С., Котов Д. П. Указ. раб., с. 166.

Разумеется, в таких случаях с неизбежностью возникает вопрос об отнесении содеянного в целом к умышленным или неосторожным посягательствам. Однако это уже иная проблема, решение которой также вполне возможно и в отношении преступлений с двойной формой вины (см. раздел IV данного учебного пособия).

На основании изложенного можно сделать следующий вывод: **двойная форма вины** имеет место в тех случаях, когда в рамках одного состава преступления одновременно содержатся как все признаки, присущие умышленной вине (прямоу или косвенному умыслу), так и все признаки, присущие неосторожности (самонадеянности или небрежности).

К этим преступлениям (обозначим их как группа № 1) относятся:

ч. 2 ст. 68¹ УК — передача или собирание с целью передачи иностранным организациям или их представителям экономических, научно-технических или иных сведений, составляющих служебную тайну, лицом, которому эти сведения были доверены по службе или работе или стали известны иным путем (ч. 1 ст. 68¹ УК), причинившие крупный имущественный ущерб государственным или общественным организациям либо повлекшие иные тяжкие последствия;

ч. 3 ст. 89 УК — умышленное уничтожение или повреждение государственного или общественного имущества либо лесных массивов, совершенное путем поджога или иным общепопасным способом (ч. 2 ст. 89 УК), если это деяние повлекло человеческие жертвы;

ч. 3 ст. 101 УК — умышленное тяжкое телесное повреждение (ч. 1 или 2 ст. 101 УК), вследствие которого наступила смерть потерпевшего;

ч. 1 ст. 109 УК — незаконное производство аборта (ч. 1 или 2 ст. 109 УК), повлекшее длительное расстройство здоровья или смерть;

ч. 2 ст. 111 УК — заведомое оставление без помощи лица, находящегося в опасном для жизни положении и лишенного возможности принять меры к самосохранению по малолетству, старости, болезни или вследствие иного беспомощного состояния, если оставивший без помощи обязан был заботиться об этом лице и имел

возможность оказать ему помощь, а равно, если он сам поставил потерпевшего в опасное для жизни положение (ч. 1 ст. 111 УК), если оно повлекло смерть лица, оставленного без помощи, или иные тяжкие последствия;

ч. 2 ст. 113 УК — неоказание без уважительных причин помощи больному лицом медицинского персонала, обязанным, согласно установленным правилам, оказать такую помощь (ч. 1 ст. 113 УК), если оно повлекло тяжкие последствия;

ч. 4 ст. 117 УК — изнасилование, то есть половое сношение с применением физического насилия, угрозы или с использованием беспомощного состояния потерпевшей (ч. 1—3 ст. 117 УК), повлекшее особо тяжкие последствия;

ч. 2 ст. 118 УК — удовлетворение половой страсти в извращенных формах с применением физического насилия, угрозы или с использованием беспомощного состояния потерпевшей (ч. 1 ст. 118 УК), повлекшее особо тяжкие последствия;

ч. 2 ст. 145 УК — умышленное уничтожение или повреждение личного имущества граждан (ч. 1 ст. 145 УК), повлекшее человеческие жертвы или иные тяжкие последствия;

ч. 2 ст. 165 УК — злоупотребление властью или служебным положением, то есть умышленное, из корыстных побуждений или иной личной заинтересованности, использование должностным лицом своего служебного положения вопреки интересам службы (ч. 1 ст. 165 УК), если оно повлекло тяжкие последствия;

ч. 2 ст. 176 УК — вынесение судьями из корыстных побуждений или иной личной заинтересованности заведомо неправосудного приговора, решения, определения или постановления (ч. 1 ст. 176 УК), если оно повлекло тяжкие последствия;

ч. 2 ст. 217¹ УК — самовольная без надобности остановка поезда стопкраном, путем разъединения воздушной тормозной магистрали или иным способом (ч. 1 ст. 217¹ УК), если она повлекла несчастные случаи с людьми, крушение, повреждение подвижного состава или иные тяжкие последствия;

ч. 2 ст. 217² УК — угон воздушного судна, находящегося на земле или в полете (ч. 1 ст. 217² УК), или захват такого судна с целью угона, совершенные с при-

менением насилия либо повлекшие аварию воздушного судна или иные тяжкие последствия;

ч. 3 ст. 217² УК — те же действия (ч. 1 или 2 ст. 217² УК), если они повлекли гибель людей или причинение тяжких телесных повреждений;

ч. 2. ст. 221¹ УК — провоз пассажиром на воздушном судне взрывчатых или легковоспламеняющихся веществ (ч. 1 ст. 221¹ УК), повлекший тяжкие последствия;

п. «б» ст. 232 УК — неповиновение, то есть открытый отказ от исполнения приказа начальника, а равно иное умышленное неисполнение приказа (п. «а» ст. 232 УК), повлекшее тяжкие последствия;

п. «б» ст. 234 УК — сопротивление начальнику, а также иному лицу, исполняющему возложенные на него обязанности по военной службе, или принуждение его к нарушению этих обязанностей (п. «а» ст. 234 УК), повлекшее тяжкие последствия;

п. «б» ст. 238 УК — нарушение уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности (п. «а» ст. 238 УК), повлекшее причинение потерпевшему менее тяжкого телесного повреждения;

п. «в» ст. 238 УК — те же действия (п. «а» или «б» ст. 238 УК), повлекшие тяжкие последствия;

п. «б» ст. 245 УК — умышленное уничтожение или повреждение оружия, боеприпасов, средств передвижения, военной техники или иного военного имущества, при отсутствии признаков особо опасного государственного преступления (п. «а» ст. 245 УК), если оно повлекло тяжкие последствия.

II. ПОНЯТИЕ СМЕШАННОЙ ФОРМЫ ВИНЫ

Наряду с составами, представляющими собой учтенную совокупность преступлений, где психическое отношение лица к деянию и его последствиям выражается в двойной форме вины, уголовному законодательству известны такие нормы, в которых содержание субъективной стороны не соответствует ни законодательному определению умысла (ст. 8 УК) или неосторожности (ст. 9 УК), ни рассмотренному выше понятию двойной формы вины. К таковым, прежде всего, относятся составы с учтенной совокупностью иного (не уголовно-пра-

вового) правонарушения, которое само по себе в конкретных ситуациях может быть как умышленным, так и неосторожным, и преступления, во всех случаях предполагающего только неосторожную вину.

Нельзя не согласиться с Н. Ф. Кузнецовой, что вопрос о соотношении в одном составе «преступлений и проступков ... требует весьма серьезного обоснования»¹. Действительно, пока еще уголовное право не имеет общей теории о конструировании таких норм. Однако давно известны бланкетные диспозиции, которые непосредственно не определяют всех признаков преступного деяния, а отсылают «к другим законам или иным нормативным актам»². Поэтому для установления конкретного состава с бланкетной диспозицией надлежит обратиться к соответствующему «нормативному материалу ... из других отраслей права»³, т. е. этим материалом как бы дополнить уголовно-правовую норму и, следовательно, включить его в состав.

Указанное положение, являясь общепризнанным, позволяет сделать некоторые выводы. Во-первых, иное правонарушение в бланкетной диспозиции приобретает значение конститутивного признака состава. А это, во-вторых, по изложенным ранее основаниям предполагает обязательное установление психического отношения лица к данному правонарушению. Причем соблюдаться такое правило должно непременно; в противном случае нарушится единство объективного и субъективного, последнее не в полном объеме будет отражать первое, что может повлечь за собой ошибки в квалификации содеянного. Например, отказ от установления вины по отношению к иному правонарушению создает предпосылки для объективного вменения, т. е. для привлечения к уголовной ответственности при невиновном его совершении.

Однако установление психического отношения лица к иному правонарушению не может выражаться лишь

¹ Кузнецова Н. О квалификации вины.— Сов. юстиция. 1980, № 23, с. 25.

² Курс советского уголовного права: Часть Общая.— М.: Наука, 1970, т. 1, с. 175.

³ Курс советского уголовного права: Часть Общая.— Л.: Изд-во ЛГУ, 1968, т. 1, с. 79.

в формуле «виновен — невиновен». Здесь необходимо также четко и однозначно определить и форму вины. Такие требования вытекают уже из того, что гражданское, трудовое, административное и другие отрасли права (а именно к ним отсылают бланкетные диспозиции) в каждом конкретном случае правонарушения предписывают установление не просто вины, а вины, выраженной в форме умысла или неосторожности. Об этом, в частности, говорится в ст. 7 Основ законодательства Союза ССР и союзных республик об административных правонарушениях. На это указывают и специалисты в области других отраслей права. Так, А. П. Ключниченко отмечает, что административное правонарушение «может быть совершено как в форме умысла, так и по неосторожности»¹.

Изложенное дает возможность заключить, что иное правонарушение, будучи конститутивным признаком составов с бланкетной диспозицией, включается в них полностью, т. е. со всеми объективными и субъективными признаками, что ставит вопрос о содержании в этих составах психического отношения лица к деянию и его последствиям. И прежде всего данный вопрос возникает в случаях учтенной законодателем совокупности иного правонарушения и преступления.

Примером такого состава является ч. 2 ст. 215 УК — нарушение правил безопасности движения и эксплуатации транспорта лицами, управляющими транспортными средствами (административное правонарушение, которое в конкретных ситуациях может быть совершено как умышленно, так и по неосторожности), повлекшее смерть потерпевшего (неосторожное убийство — ст. 98 УК).

В этом преступлении не возникает проблем в установлении вины, когда «Правила дорожного движения» лицо нарушает по неосторожности. Например, не проявив должной внимательности, шофер выезжает на пешеходный переход во время движения по нему людей и смертельно травмирует одного из них. Здесь вина формулируется следующим образом: водитель не пред-

видел, что нарушает правила дорожного движения, в связи с чем подвергает опасности жизнь пешеходов (действует общественно опасно), хотя должен был и мог это предвидеть (преступная небрежность — ст. 9 УК). Таким определением полностью охватывается объективная сторона данного состава, в том числе и включенное в него административное правонарушение.

Однако содержание психического отношения лица к деянию и его последствиям изменяется, когда административное (или иное не уголовно-правовое) правонарушение — если взять его, так сказать, в чистом виде — совершается умышленно (предположим, шофер умышленно выезжает на красный сигнал светофора). В этом случае вина уже не будет полностью соответствовать законодательному определению неосторожности, поскольку лицо сознательно нарушило правила, специально установленные для предотвращения опасных последствий (человеческих жертв, гибели людей, смерти потерпевшего, несчастных случаев с людьми, причинения длительного расстройства здоровья, тяжких последствий и т. п.), в связи с чем, несомненно, сознавало и общественно опасный характер совершаемого деяния, что присуще только умыслу (ст. 8 УК). Так, вина в отношении административного правонарушения в анализируемом посягательстве может быть следующей: водитель сознавал, что, выезжая на красный сигнал светофора, нарушает правила дорожного движения, в связи с чем создает опасность для пешеходов (действует общественно опасно), и желал действовать таким образом.

Тем не менее из приведенного определения видно, что оно не в полной мере соответствует и законодательной конструкции умышленной вины, для которой необходимо, чтобы шофер предвидел смертельное травмирование пешехода и желал либо сознательно допускал такие последствия (ст. 8 УК). В нашем примере эти признаки отсутствуют.

Таким образом, в составах с учтенной законодателем совокупностью иного правонарушения и преступления психическое отношение лица к деянию и последствиям может сочетать в себе некоторые признаки, присущие умыслу (сознание общественно опасного характера совершаемого деяния), и все признаки, присущие неосторожности (самонадеянности или небрежности). Иными

¹ Ключниченко А. П. Административная ответственность за правонарушения, подведомственные органам внутренних дел. — Киев: КВШ МВД СССР, 1975, с. 8.

словами, здесь, как и в рассмотренных ранее преступлениях с двойной формой вины, из двух сформулированных в законе создается не сформулированная в законе форма вины, которую следует назвать смешанной.

Целесообразность такого ее наименования объясняется следующими причинами: 1) она включает в себя все признаки, присущие умыслу, как это имеет место в двойной форме вины, а лишь один из них, т. е. происходит не полное «сдвигание» умысла с неосторожностью, а «смещение» некоторых признаков умысла с неосторожностью; 2) смешанная форма вины отличается от двойной формы не только по своему психологическому содержанию, но и по уголовно-правовым последствиям (подробнее об этом см. в разделах III и IV данного учебного пособия), в связи с чем ее необходимо выделить в качестве самостоятельной формы.

Однако в литературе оспаривается мнение о существовании смешанной формы вины в составах с учтенной законодателем совокупностью иного правонарушения и преступления. Так, Н. Ф. Кузнецова считает, что «непреступные правонарушения и форма вины по отношению к ним не могут быть элементом состава преступления»¹. Этот тезис, особенно в первой своей части, вызывает серьезные сомнения — по существу он ведет к полному отрицанию бланкетных диспозиций.

Во второй части тезис Н. Ф. Кузнецовой совпадает с мнением других авторов. А. Д. Горбуза, например, пишет, что в составах преступлений, где «в качестве действия выступают административное, дисциплинарное и другие правонарушения, психическое отношение к которым хотя и представляет собой вину в смысле данной отрасли права, тем не менее не может быть признано элементом содержания смешанной формы вины в уголовно-правовом смысле»². Аналогичного мнения придерживается и Ю. И. Ляпунов, который вину в административном правонарушении и в преступлении счита-

ет качественно неоднородной по социально-политическому содержанию¹.

Тем не менее и с этим согласиться трудно, поскольку «при всех различиях социального и юридического содержания вины в различных отраслях права, социально-психологическая и политическая сущность вины в советском праве едины»². Это выдвинутое П. С. Дагелем положение представляется совершенно правильным. Очевидно нелогичным и по форме было бы утверждение, что, например, с позиции административного права лицо нарушило «Правила дорожного движения» умышленно, а с позиции уголовного права — неосторожно.

Однако дело даже не в том, каково соотношение вины в различных отраслях права. Проблема заключается в конструкции самого уголовного закона с учтенной совокупностью иного правонарушения и преступления. Ведь здесь вопрос о «перенесении» вины иного правонарушения в преступление может ставиться лишь условно, как условно говорится о «включении» такого правонарушения в состав. Иное правонарушение существует в качестве отдельного понятия как самостоятельный деликт только до тех пор, пока оно не стало признаком конкретного преступления. С этого же момента иное правонарушение утрачивает свою индивидуальность, его объективные и субъективные особенности становятся неотделимой, неотрывной частью такого цельного уголовно-правового понятия, как преступление. А это значит, что факт осознания общественно опасного характера нарушения каких-либо правил, обязанностей и т. п. находится уже в сфере уголовно-правовых отношений, представляет собой неотъемлемую часть психического отношения лица к деянию и последствиям в преступном поведении. Определение психического отношения в полном объеме имеет чрезвычайно важное значение, поскольку, «во-первых, это означает установ-

¹ См.: Ляпунов Ю. И. Нарушение правил движения и эксплуатации транспорта лицами, управляющими транспортными средствами.— В кн.: Преступления против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения М.: ВШ МВД СССР, 1970, с. 71—72.

² Дагель П. Дискуссия не закончена. — Сов. юстиция, 1980, № 22, с. 8.

¹ Кузнецова Н. Указ. раб., с. 25.

² Горбуза А. Д. Смешанная форма вины по советскому уголовному праву: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 1972, с. 8.

ление признаков, относящихся к составу преступления, что необходимо для правильной квалификации преступления; во-вторых, способствует отграничению одних преступлений от других, смежных преступлений; в-третьих, помогает выявлению степени общественной опасности виновного и совершенного им преступления и тем самым способствует назначению справедливой меры уголовного наказания»¹. Так, в той же ч. 2 ст. 215 УК вина может быть следующей: выезжая на красный сигнал светофора, водитель сознавал, что нарушает правила дорожного движения и действует общественно опасно, но не предвидел наезда на пешехода и причинения ему смерти, хотя должен был и мог это предвидеть. В ст. 241 УК Грузинской ССР, которой предусмотрена ответственность за данное преступление, говорится: «...если это нарушение заведомо для виновного создавало серьезную опасность наступления несчастных случаев с людьми», чем (заведомостью) подчеркивается сознательный характер общественно опасного деяния.

Изложенная позиция разделяется не только многими советскими криминалистами, но и судебно-следственной практикой. В постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 9 апреля 1965 г. «О судебной практике по делам, связанным с нарушением правил безопасности движения и эксплуатации автотранспорта или городского электротранспорта», например, указывалось: «В автотранспортных преступлениях отношение виновного к нарушению правил безопасности движения и эксплуатации транспортных средств может выражаться как в форме умысла, так и в форме неосторожности, а к наступившим последствиям — только в форме неосторожности»². Не изменил, вопреки мнению некоторых авторов, своего отношения к этому вопросу Пленум Верховного Суда СССР и в настоящее время — оно лишь несколько уточнено. В п. 4 постановлений от 6 октября 1970 г. «О судебной практике по делам об автотранспортных преступлениях» говорится: «При назначении наказания суды должны исходить не только из наступивших последствий, но и учитывать характер и мотивы

выпущенного нарушения правил безопасности движения и эксплуатации транспортных средств, отношение виновного к этим нарушениям»¹. Так как речь идет о «мотивах допущенного нарушения», значит, нарушение могло быть таким, которое характеризуется элементами умышленной вины, а словами «отношение виновного к этим нарушениям» Пленум вновь подтверждает свою позицию о возможности различного психического отношения виновного к деянию (но не к последствиям) в этих посягательствах. Оправдано и то, что в действующей редакции Пленум не употребляет термина «умысел», поскольку, как отмечалось, в этих преступлениях отношение лица к нарушению правил дорожного движения не в полной мере соответствует законодательному определению умышленной вины. «Игнорирование психического отношения к нарушению правил,— как справедливо отмечал П. С. Дагель,— может привести к привлечению к ответственности лиц, невиновно нарушивших эти правила, т. е. к объективному вменению ... Игнорирование психического отношения к последствию, в свою очередь, ведет к отрицательным результатам: создается, с одной стороны, возможность вменения тяжких последствий, независимо от виновного к ним отношения, а с другой стороны, возможность квалификации как автотранспортных преступлений случаев, когда виновные имели умысел на лишение жизни человека, т. е. случаев умышленного убийства с использованием транспортных средств»².

Именно так подходит к решению этого вопроса и судебная практика. Прытков, например, был осужден по ст. 15 и пп. «б», «д» и «з» ст. 102 УК РСФСР. Рассматривая дело в кассационном порядке и исследуя все обстоятельства, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР отметила: «Используя автомашину в качестве орудия преступления и направляя ее на большой скорости на потерпевших, Прытков создал общественно опасный характер своих действий, предвидел возможность причинения потерпевшим смер-

¹ Куринов Б. А. Автотранспортные преступления.— М.: Юрид. лит., 1970, с. 90.

² Бюллетень Верховного Суда СССР, 1965, № 3, с. 11.

¹ Бюллетень Верховного Суда СССР, 1970, № 6, с. 24.

² Дагель П. С., Котов Д. П. Субъективная сторона преступления и ее установление.— Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1974, с. 166.

ти и желал ее наступления. В связи с этим суд правильно пришел к выводу о наличии у Прыткова прямого умысла на совершение убийства»¹. Таким образом, Коллегия, как и суд первой инстанции, точно установила отношение Прыткова как к деянию, так и к последствию, после чего окончательно определила квалификацию содеянного. Без этого дать правильную уголовно-правовую оценку преступлению было бы затруднительно.

Противники смешанной формы вины выдвигают против нее еще один тезис. Они считают, что формулирование умысла только по отношению к деянию (иному правонарушению) противоречит положениям ст. 8 УК, поскольку «сознание общественно опасного характера поведения всего лишь один из интеллектуальных моментов умысла и поэтому как часть не может быть целым, представлять вину в полном объеме»².

По поводу этого аргумента можно сделать несколько замечаний. Во-первых, уголовному законодательству известны так называемые формальные составы преступлений, в которых последствия вынесены за их пределы. Такая конструкция норм, как считает большинство криминалистов (хотя это мнение и не бесспорно)³, делает ненужным установление психического отношения лица к последствиям: поскольку последствия находятся вне объективной стороны, то они не должны отражаться и в субъективной стороне состава. Поэтому здесь умысел формулируется только в отношении деяния, т. е. не в полном соответствии со ст. 8 УК.

Далее, анализ действующего законодательства показывает, что понятие «умысел» имеет большую (чем это считают противники двойной и смешанной форм вины) универсальность в оценке преступного поведения; этим понятием охватываются и такие деяния, которые не связываются с выяснением психического отношения лица к общественно опасным последствиям посягательства. Например, в законе говорится об «умышленном соз-

дании условий для совершения преступления» (ч. 1 ст. 17 УК), «умышленном действии, непосредственно направленном на совершение преступления» (ч. 2 ст. 17 УК), «умышленном совместном участии двух или более лиц в совершении преступления» (ч. 1 ст. 19 УК) и др. В таких случаях, как это принято считать, «виновный сознает, что готовит, начинает выполнять ... преступление и желает осуществить его»¹, «совершаемое каждым из них (соучастников — А. П.) действие присоединяется к определенной общественно опасной деятельности исполнителя при желании или сознательном допущении этого присоединения»². В названных ситуациях также формулируется умысел, но не в соответствии с положениями ст. 8 УК.

Наконец, концепция двойной и смешанной форм вины и не предполагает определение вины, во-первых, отдельно к деянию и отдельно к его последствиям, а во-вторых, в полном соответствии с формулировкой ст. 8 УК. Она говорит о другом: о возможности сочетания признаков умысла с неосторожностью в рамках единой формы вины.

Изложенное позволяет сделать вывод: **смешанная форма вины** имеет место в тех случаях, когда в рамках одного состава преступления одновременно содержатся некоторые признаки, присущие умышленной вине, и все признаки, присущие неосторожности.

К преступлениям, в которых вина в конкретных ситуациях может выражаться в смешанной форме, прежде всего относятся следующие составы с учтенной законодателем совокупностью иного правонарушения и преступления (группа № 2):

ч. 1 ст. 77 УК — нарушение работником железнодорожного, водного или воздушного транспорта правил безопасности движения и эксплуатации транспорта (иное правонарушение), повлекшее несчастные случаи с людьми, крушение, аварию или иные тяжкие последствия, а также недоброкачественный ремонт транспортных

¹ Сборник постановлений Президиума и определений Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР. 1964—1972. — М.: Юрид. лит., 1974, с. 222—223.

² При определении форм вины нужно исходить из требований закона (итоги дискуссии). — Сов. юстиция, 1980, № 24, с. 25.

³ См.: Кригер Г. Определение форм вины — Сов. юстиция, 1979, № 20, с. 5.

¹ Советское уголовное право: Часть Общая. — М.: Юрид. лиг., 1982, с. 195.

² Курс советского уголовного права: Часть Общая. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1968, т. 1, с. 598—599.

средств, путей, средств сигнализации и связи (иное правонарушение), повлекший те же последствия;

ч. 2 ст. 135 УК — нарушение должностным лицом правил техники безопасности, промышленной санитарии или иных правил охраны труда (иное правонарушение), если оно повлекло несчастные случаи с людьми;

ч. 1 ст. 215 УК — нарушение правил безопасности движения и эксплуатации транспорта лицом, управляющим автотранспортным или городским электротранспортным средством, трактором или иной самоходной машиной (иное правонарушение), повлекшее причинение потерпевшему средней тяжести телесных повреждений;

ч. 2 ст. 215 УК — указанное выше иное правонарушение, повлекшее смерть потерпевшего или причинение ему тяжкого телесного повреждения;

ч. 3 ст. 215 УК — указанное выше иное правонарушение, повлекшее гибель нескольких лиц;

ст. 217 УК — нарушение действующих на транспорте правил охраны порядка и безопасности движения (иное правонарушение), повлекшее человеческие жертвы или иные тяжкие последствия;

ч. 1 ст. 218 УК — нарушение правил безопасности горных работ (иное правонарушение), если оно причинило вред здоровью людей;

ч. 2 ст. 218 УК — указанное выше иное правонарушение, если оно повлекло человеческие жертвы;

ч. 1 ст. 219 УК — нарушение при производстве строительных работ строительных и санитарных правил, а также нарушение правил эксплуатации строительных механизмов (иное правонарушение), если оно причинило вред здоровью людей;

ч. 2 ст. 219 УК — указанное выше иное правонарушение, если оно повлекло человеческие жертвы или иные тяжкие последствия;

ст. 224 УК — небрежное хранение огнестрельного оружия и боеприпасов (иное правонарушение), если это повлекло за собой человеческие жертвы или иные тяжкие последствия;

п. «а» ст. 245¹ УК — нарушение правил обращения с оружием, а так же боеприпасами, взрывчатыми, радиоактивными и иными веществами и предметами, представляющими повышенную опасность для окружающих

(иное правонарушение), повлекшее причинение потерпевшему телесных повреждений;

п. «б» ст. 245¹ УК — указанное выше иное правонарушение, повлекшее причинение телесных повреждений нескольким лицам или смерть потерпевшего;

п. «в» ст. 245¹ УК — указанное выше иное правонарушение, повлекшее гибель нескольких лиц либо другие тяжкие последствия;

ст. 246 УК — нарушение правил вождения или эксплуатации боевой, специальной или транспортной машины (иное правонарушение), повлекшее несчастные случаи с людьми или другие тяжкие последствия;

ст. 247 УК — нарушение правил полетов или подготовки к ним (иное правонарушение), повлекшее катастрофу или другие тяжкие последствия;

ст. 248 УК — нарушение правил кораблевождения (иное правонарушение), повлекшее гибель либо серьезное повреждение корабля, человеческие жертвы или иные тяжкие последствия.

Ч. 2 ст. 135, ч. 2 и 3 ст. 215, ч. 2 ст. 218, ч. 2 ст. 219, п. «б» и «в» ст. 245¹ УК включены в эту, а не в первую группу преступлений потому, что иное правонарушение, являясь конститутивным признаком как простых, так и квалифицированных составов этих преступлений, по своему характеру остается неизменным — выражается в нарушении определенных правил. Другими словами, и простой, и квалифицированный виды указанных посягательств представляют собой совокупность иного правонарушения и преступления. В них изменяется не иное правонарушение (деяние), а входящее в совокупность преступление. Например, в ч. 1 ст. 218 УК говорится о причинении вреда здоровью (ст. 105 УК), а в ч. 2 — о человеческих жертвах (ст. 98 УК). Исключение составляет лишь ч. 1 ст. 135 УК, которая, в отличие от второй части, не представляет собой данной совокупности.

Однако указанная группа не исчерпывает всех преступлений со смешанной формой вины. К ним относятся еще две группы (№ 3 и № 4), общим для которых является то, что они слагаются из иного правонарушения и последствия, которое само по себе, не будучи связанным с иным правонарушением, самостоятельного состава не образует. Этим они отличаются от посяга-

тельств группы № 1, где имеет место совокупность преступлений, и группы № 2, представляющий собой совокупность иного правонарушения и преступления. Между собой деяния, входящие в эти группы (№ 3 и № 4), различаются по содержанию психического отношения лица к действию или бездействию и их последствиям, что влечет различия в их уголовно-правовой оценке (см. разделы III и IV данного учебного пособия).

Первую из названных групп образуют составы, в которых **иное правонарушение** (оно является в них деянием), если взять его изолированно, **совершается только умышленно, а к последствиям отношение лица может быть в одних конкретных случаях умышленным, а в других — неосторожным.** К ним относятся (группа № 3):

ч. 1 ст. 165 УК — злоупотребление властью или служебным положением, то есть умышленное, из корыстных побуждений или иной личной заинтересованности, использование должностным лицом своего служебного положения вопреки интересам службы (деяние), если оно причинило существенный вред государственным или общественным интересам или охраняемым законом правам и интересам отдельных граждан (последствия);

ч. 1 ст. 166 УК — превышение власти или служебных полномочий, то есть совершение должностным лицом действий, явно выходящих за пределы предоставленных ему прав и полномочий (деяние), если оно причинило существенный вред государственным или общественным интересам или охраняемым законом правам и интересам отдельных граждан (последствия);

ст. 198 УК — самоуправство, то есть самовольное, вопреки установленному законом порядку, совершение каких-либо действий, правомерность которых оспаривается другим лицом либо государственным или общественным предприятием, учреждением или организацией (деяние), если такими действиями был причинен существенный вред государственным или общественным интересам либо охраняемым законом правам и интересам отдельных граждан (последствия);

ч. 1 ст. 217¹ УК — самовольная без надобности остановка поезда стоп-краном, путем разъединения воздушной тормозной магистрали или иным способом (деяние),

если это повлекло нарушение нормального движения поездов (последствия);

п. «а» ст. 254 УК — злоупотребление начальника или должностного лица властью или служебным положением, превышение власти или служебных полномочий (деяние), если они причинили существенный вред (последствия).

Не повторяя высказанных выше доводов в пользу смешанной формы вины, рассмотрим содержание субъективной стороны в этих преступлениях на примере ч. 1 ст. 165 УК. В данном составе законодатель однозначно определяет отношение виновного к деянию (иному правонарушению): «... умышленное ... использование должностным лицом своего служебного положения вопреки интересам службы». Отношение же к последствиям сформулировано так, что здесь возможны как умысел, так и неосторожность: «... если оно причинило существенный вред государственным или общественным интересам или охраняемым законом правам и интересам отдельных граждан» (само по себе причинение такого последствия самостоятельного преступления не образует). Именно такую оценку вины в этом составе дает большинство советских криминалистов¹, и она соответствует конструкции анализируемой нормы.

Когда должностное лицо при использовании своего служебного положения вопреки интересам службы умышленно относится к последствиям, сложности в установлении субъективной стороны не возникает — вина имеет следующую общую формулировку: злоупотребляя властью или служебным положением, лицо сознает общественную опасность совершаемого им деяния, предви-

¹ См.: Здравомыслов Б. В. Должностные преступления.— М.: Юрид. лит., 1975, с. 27—29; Кириченко В. Ф. Ответственность за должностные преступления по советскому уголовному праву.— М.: Изд-во АН СССР, 1956, с. 102—105; оп же. Смешанные формы вины.— Сов. юстиция, 1966, № 19, с. 13; Меньшагин В. Д. Курс советского уголовного права: Особенная часть.— М.: Госюриздат, 1959, т. 2, с. 76—77; Пионтковский А. А. Курс советского уголовного права.— М.: Наука, 1970, т. II, с. 333; Трайнин А. Н. Должностные и хозяйственные преступления.— М.: Юриздат, 1938, с. 27; Уголовный кодекс УССР: Научно-практический комментарий.— Киев: Политиздат Украины, 1978, с. 467; Утевский Б. С. Общее учение о должностных преступлениях.— М.: Юриздат, 1948, с. 397—404 и др.

дит причинение существенного вреда государственным или общественным интересам либо охраняемым законом правам и интересам отдельных граждан и желает либо сознательно допускает наступление таких последствий.

Однако содержание вины меняется, когда должностное лицо предвидит возможность наступления подобных последствий, но легкомысленно рассчитывает на их предотвращение либо не предвидит их наступления, хотя должно было и могло предвидеть. В этом случае психическое отношение к самому злоупотреблению (иному правонарушению) остается прежним: лицо сознает общественно опасный характер использования своего положения вопреки интересам службы и желает действовать таким образом. Но такое содержание вины не соответствует формулировке умысла, данной в ст. 8 УК, поскольку в нем не раскрывается отношение лица к тем последствиям, которые превращают содеянное в преступление, — к причинению существенного вреда. Нельзя в этом случае говорить и о полном соответствии психического отношения лица к деянию и его последствиям законодательному определению неосторожности, предполагающему отсутствие сознания общественно опасного характера совершаемого действия или бездействия, что вытекает из смысла ст. 9 УК.

Таким образом, в целом содержание вины в анализируемом преступлении (и во всех других, входящих в группу № 3) является иным, совмещающим в себе признаки умышленного отношения лица к своему деянию с возможным неосторожным отношением к вызванным им последствиям, что и предполагает, как отмечалось, смешанная форма вины.

Другую группу образуют составы, в которых иное правонарушение (деяние), будучи взятым отдельно, в одних конкретных случаях может быть умышленным, а в других — неосторожным; последствия же предполагают только неосторожность. Это следующие преступления (группа № 4):

ч. 1 ст. 68 УК — утрата документов, содержащих государственную тайну, а равно предметов, сведения о которых составляют государственную тайну, лицом, которому они были доверены (последствия), если утрата

явилась результатом нарушения установленных правил обращения с указанными документами или предметами (деяние);

ст. 91 УК — преступно-небрежное отношение лица, которому поручено хранение или охрана государственного или общественного имущества, к своим обязанностям (деяние), повлекшее расхищение, повреждение или гибель этого имущества в крупных размерах, при отсутствии признаков должностного преступления (последствия);

ч. 1 ст. 147² УК — преступно-небрежное использование или хранение принадлежащих совхозам, колхозам и другим государственным или кооперативным организациям тракторов, автомобилей, комбайнов и иных сельскохозяйственных машин (деяние), повлекшие их порчу или поломку (последствия);

ч. 2 ст. 147² УК — указанное выше деяние, причинившее крупный ущерб (последствия);

ст. 157 УК — нарушение ветеринарных правил (деяние), повлекшее распространение эпизоотии или иные тяжкие последствия (последствия);

ст. 158 УК — нарушение правил, установленных в целях борьбы с болезнями и вредителями растений (деяние), повлекшее тяжкие последствия (последствия);

ст. 205¹ УК — нарушение правил охраны линий связи (деяние), повлекшее за собой повреждение кабельной линии междугородной связи, если оно вызвало перерыв связи (последствия);

ч. 1 ст. 215 УК — нарушение правил безопасности движения и эксплуатации транспорта лицом, управляющим автотранспортным или городским электротранспортным средством, трактором или иной самоходной машиной (деяние), повлекшее причинение потерпевшему легких телесных повреждений либо причинившее существенный материальный ущерб (последствия);

ч. 1 ст. 218 УК — нарушение правил безопасности горных работ (деяние), если оно причинило вред здоровью людей (последствия);

ч. 1 ст. 219 УК — нарушение при производстве строительных работ строительных и санитарных правил, а также нарушение правил эксплуатации строительных механизмов (деяние), если оно причинило вред здоровью людей (последствия);

ст. 227 УК — нарушение обязательных правил, установленных в целях предупреждения эпидемических и других заразных заболеваний и борьбы с ними (деяние), если эти действия повлекли распространение заразных заболеваний (последствия);

ч. 1 ст. 228 УК — загрязнение рек, озер и других водоемов, водных источников и подземных вод неочищенными и необезвреженными сточными водами, отбросами или отходами промышленных, сельскохозяйственных, коммунальных и других предприятий, учреждений и организаций (деяние), причинившее вред здоровью людей либо сельскохозяйственному производству или рыбным запасам (последствия);

ч. 2 ст. 228 УК — указанные выше деяния, а равно загрязнение атмосферного воздуха вредными для здоровья людей отходами промышленного производства (деяние), если они причинили значительный вред здоровью людей или сельскохозяйственному производству или повлекли за собой массовую гибель рыбы (последствия);

п. «в» ст. 249 УК — нарушение уставных правил караульной (вахтенной) службы и изданных в развитие этих правил приказов и распоряжений (деяние), повлекшее вредные последствия, для предотвращения которых назначен данный караул (вахта) — последствия;

п. «г» ст. 249 УК — нарушение уставных правил патрулирования (деяние), повлекшее вредные последствия, для предупреждения которых назначен данный патруль (последствия);

п. «б» ст. 253 УК — утрата документов, содержащих сведения военного характера, составляющие государственную тайну, или предметов, сведения о которых составляют государственную тайну (последствия), лицом, которому эти документы или предметы были доверены, если утрата явилась результатом нарушения установленных правил обращения с указанными документами или предметами (деяние).

В целом характеристика этих посягательств соответствует той, которая присуща преступлениям группы № 3. Поэтому специально останавливаться на ней нецелесообразно. Здесь следует лишь обратить внимание на два момента. Во-первых, в отличие от преступлений группы № 3, где отношение виновного к деянию мо-

жет быть только умышленным, а отношение к последствиям — как умышленным, так и неосторожным, в преступлениях группы № 4 виновный к деянию может относиться как умышленно, так и неосторожно, а к последствиям — только неосторожно. Во-вторых, в каких-то конкретных ситуациях последствия посягательств этой группы сами по себе могут образовать самостоятельное преступление. Например, причиненный здоровью людей вред (ч. 1 ст. 218, ч. 2 ст. 219, ч. 1 и 2 ст. 228 УК) выразился в неосторожном тяжком или средней тяжести телесном повреждении (ст. 105 УК). В этих случаях их следует отнести к группе № 2.

Итак, формулируя окончательный ответ на первый из поставленных во введении вопросов, можно отметить, что действующему законодательству известны как преступления с двойной формой вины — учтенная законодателем совокупность преступлений, из которых одно предполагает умысел, а другое — неосторожность (группа № 1), так и преступления с виной смешанной — когда имеется учтенная законодателем совокупность иного правонарушения, предполагающего как умышленную, так и неосторожную вину, и преступления, совершаемого по неосторожности (группа № 2), а также когда конструкция закона предполагает умышленное отношение виновного к деянию при возможности наступления последствий как в результате умысла, так и по неосторожному отношению к деянию при неосторожном отношении к наступившим последствиям (группа № 4).

III. НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СООТНОШЕНИЯ ДВОЙНОЙ И СМЕШАННОЙ ФОРМ ВИНЫ С ПОЛОЖЕНИЯМИ ОБЩЕЙ ЧАСТИ СОВЕТСКОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА

В данном разделе рассматривается второй из поставленных во введении вопросов. В этой связи прежде всего необходимо отметить, что если исходить только из того, что в ст. 8 и 9 УК исчерпывающе сформулированы все формы вины, то конструирование иных форм следует признать неосновательным. Именно на этом основываются противники двойной и смешанной вины в уголовном праве.

Выясним, противоречит ли положениям Общей части кодекса, в том числе ст. 8 и 9 УК, одновременное существование обеих форм вины (двойная) или смешение признаков умысла с неосторожностью (смешанная) в конкретных составах.

Прежде всего следует заметить, что многие положения Общей части уголовного закона находят дальнейшее развитие и конкретизацию в нормах Особенной части. Так, указание ч. 1 ст. 10 УК о том, что «уголовной ответственности подлежат лица, которым до совершения преступления исполнилось шестнадцать лет», в ряде норм Особенной части конкретизировано тем, что за сформулированные в них преступления устанавливается ответственность с 18 лет (ст. 208, 208¹ УК и др.); в ч. 2 ст. 17 УК покушение на преступление определяется как «умышленное действие, непосредственно направленное на совершение преступления, если при этом преступление не было доведено до конца по причинам, не зависящим от воли виновного», а в составах разбоя (ст. 86 и 142 УК) действие, непосредственно направленное на совершение преступления (нападение с целью завладения имуществом), рассматривается как оконченное преступление; в статьях об измене родине (заговор с целью захвата власти — ч. 1 ст. 56 УК), организационной деятельности, направленной к совершению особо опасных государственных преступлений (ст. 64 УК), бандитизме (ст. 69 УК) уточняются положения нормы о соучастии (ст. 19 УК).

Перечень подобных примеров можно было бы продолжить. Однако уже из сказанного ясно, что в целом правило, согласно которому положения Общей части могут развиваться и конкретизироваться в статьях Особенной части УК, в уголовном законе существует и оно использовано при конструировании ряда норм применительно к вине, в том числе в ч. 3 ст. 101, в ст. 215, 165 и многих других статьях УК.

Указанное положение подтверждается и тем, что, например, в учтенной законодателем совокупности преступлений могут иметь место, как уже отмечалось, несколько самостоятельных посягательств, каждое из которых обладает своей формой вины. Поэтому при определении субъективной стороны в каждом из преступлений, входящих в сложный состав, положения ст. 8 и

9 УК не нарушаются. Если же эти формы вины объединить в одну, то так или иначе создается новая, неизвестная Общей части кодекса конструкция, хотя в ней и используются все известные Общей части дефиниции.

Аналогичная ситуация складывается и в преступлениях со смешанной виной: сформулированное в них психическое отношение лица к деянию и его последствиям, соответствующее фактическим признакам состава, не будет совпадать с законодательным определением только умысла или неосторожности. Однако и здесь при определении вины используются положения ст. 8 и 9 УК.

Таким образом, в этом плане никаких противоречий между определением вины в Общей части УК и в конкретных составах не существует: здесь происходит известное уголовному праву развитие и конкретизация положений Общей части в нормах Особенной части. И совершенно прав был П. С. Дагель, который писал: «Смешанная форма вины, по нашему мнению, также, не подпадая полностью под определение умысла и неосторожности, находится в рамках виновного общественно опасного деяния. Она построена на сочетании признаков умысла и неосторожности и не выходит за рамки этих признаков. Поэтому ее существование не исключается действующим законодательством, признание ее не противоречит закону»¹.

При квалификации преступлений с двойной и смешанной формами вины возникает еще ряд вопросов, связанных с применением норм Общей части УК. Из них наибольшую актуальность представляют проблемы

¹ Дагель П. С. Проблемы вины в советском уголовном праве. — Владивосток: Изд-во ДВГУ, 1968, с. 131. Безусловно, определение в Общей части УК не только умысла и неосторожности, но и двойной и смешанной форм вины было бы весьма полезным. Однако это требует серьезных исследований со стороны не только и, возможно, не столько юристов, сколько специалистов в области психологии. В настоящее же время по известным основаниям актуальным является как установление посягательств с двойной и смешанной формами вины, так и определение того, к каким видам преступлений — умысленным или неосторожным — их следует в конечном счете относить. А этот вопрос успешно может быть решен и без внесения соответствующих дополнений в уголовный закон, о чем подробнее речь пойдет в следующем разделе данного пособия.

стадий развития таких преступлений (возможность приготовления и покушения при этих формах вины) и соучастия в них.

В литературе уже предпринималась попытка дать ответ на указанные вопросы. Так, А. Д. Горбуза считает, что приготовление и покушение, как и соучастие в преступлениях с двойной формой вины, невозможны¹. Применительно к конкретному составу аналогичную позицию занимал и П. С. Дагель: «...покушение на причинение тяжких телесных повреждений, повлекших смерть потерпевшего, — немыслимо. То же следует сказать и о соучастии: указанные последствия могут инкриминироваться лишь их фактическим причинителям (исполнителям), а организаторы, подстрекатели и пособники не могут нести за них ответственности, если причинение этих последствий не охватывалось их умыслом (положение, аналогичное эксцессу исполнителя)»².

Не оспаривая в целом эти положения, следует заметить, что они нуждаются в более основательном обосновании применительно к отдельным группам преступлений с анализируемыми формами вины, поскольку в каждом из них есть свои особенности.

Итак, рассмотрим вначале вопрос о стадиях развития этих посягательств. Как известно, приготовление к преступлению и покушение на него предполагают вину только в виде прямого умысла. Причем не возникает никаких сомнений, что в этом случае прямой умысел должен быть сформулирован в соответствии с требованиями ст. 8 УК: лицо сознавало общественно опасный характер своего действия или бездействия, предвидело его общественно опасные последствия и желало их наступления.

Следовательно, ни одно из преступлений с двойной формой вины, которые, как известно, представляют собой учтенную законодателем совокупность умышленного и неосторожного посягательств (группа

№ 1), не может иметь стадий в своем развитии — виновный несет ответственность по той или иной норме тогда, когда наступило квалифицирующее последствие, предполагающее неосторожную вину. Такое решение вопроса, объясняется тем, что в этих составах лицо не желает наступления указанного квалифицирующего общественно опасного результата, а значит, и не может готовиться к нему или покушаться на его причинение.

Сказанное, разумеется, не исключает стадий в случаях, когда преступление не отягощено такими последствиями. Так, приготовление или покушение на причинение умышленного тяжкого телесного повреждения возможно. В этом случае ответственность наступает, например, по ч. 1 или 2 ст. 17 и ч. 1 ст. 101 УК. Однако приготовление или покушение на причинение умышленного тяжкого телесного повреждения, вследствие которого наступит смерть потерпевшего, невозможно. Поэтому ответственность по ч. 3 ст. 101 УК (исходя из анализируемого квалифицирующего признака) не имеет места, если смерть потерпевшего не наступила.

В преступлениях со смешанной формой вины, представляющих собой учтенную законодателем совокупность иного правонарушения, которое может быть как умышленным, так и неосторожным, и преступления, предполагающего только неосторожную вину (группа № 2), также стадий быть не может. И здесь основанием к подобному решению вопроса является то, что виновный не желает наступления соответствующего последствия. Однако, в отличие от преступлений группы № 1, в этих составах (как простых, так и квалифицированных) стадии вообще исключаются. Сами по себе приготовление и покушение на совершение иного правонарушения возможны. Например, шофер пытается выехать из гаража на неисправном автомобиле или проехать на красный сигнал светофора и т. п. Однако такие действия влекут за собой только административную ответственность.

Здесь может возникнуть лишь вопрос в отношении ст. 77, 135, 218 и 219 УК, в соответствующих частях которых говорится о создании угрозы (опасности) наступления соответствующих последствий: не формулируется ли в них состав как усеченный, не переносится ли момент окончания посягательства на покушение и, сле-

¹ См.: Горбуза А. Д. Смешанная форма вины по советскому уголовному праву: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук — М., 1972, с. 14.

² Дагель П. С., Котов Д. П. Субъективная сторона преступления и ее установление — Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1974, с. 177.

довательно, не имеют ли они стадий в развитии преступной деятельности? Если исходить из распространенного среди криминалистов мнения, что создание угрозы само по себе является последствием¹, на этот вопрос следует дать отрицательный ответ. Правильность такого решения подтверждается тем, что нарушение соответствующих правил, названных в указанных статьях, является преступным только при создании угрозы (опасности). Если же таковая объективно не создается, деяние (нарушение правил) образует не преступление, а иное правонарушение.

Преступления группы № 3, конструкция составов которых предполагает умышленное отношение к деянию при умышленном или неосторожном отношении к последствиям, также не имеют стадий, если наступление последствий сознанием виновного не охватывалось. Так, в случаях, когда должностное лицо готовится или покушается на злоупотребление властью или служебным положением, но при этом не предвидит причинение существенного ущерба чьим-либо правоохраняемым интересам при должностовании и возможности их предвидения, ответственность должна наступать только за иное правонарушение. Уголовная ответственность возможна лишь при условии фактического причинения такого ущерба.

По изложенным выше основаниям не может быть стадий в развитии преступной деятельности и в составах, образующих группу № 4, где отношение виновного к деянию может быть как умышленным, так и неосторожным, в то время как отношение к последствию всегда неосторожное.

В заключение следует отметить, что точное установление признаков субъективной стороны в составах преступлений с двойной и смешанной формами вины имеет чрезвычайно важное значение для их квалификации. Например, если при фактическом причинении тяжкого телесного повреждения, вследствие которого наступила смерть потерпевшего, волевое отношение виновного к

¹ См.: Глистин В. К. Проблема уголовно-правовой охраны общественных отношений. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1979, с. 128; Кузнецова Н. Ф. Преступление и преступность. — М.: Изд-во МГУ, 1969, с. 60

смерти выражается в желании или сознательном допущении ее наступления, то квалифицировать содеянное следует не по ч. 3 ст. 101, а по ст. 94 или 93 УК; при нарушении правил безопасности движения, соединенном с желанием таким способом причинить потерпевшему (пешеходу) смерть, или при умышленном нарушении правил безопасности горных работ с целью причинить смерть работающим людям ответственность также должна наступать как за умышленное убийство. Иными словами, в преступлениях групп № 1, 2 и 4 изменение формы вины на умышленную влечет за собой, как правило, иную квалификацию содеянного в целом. Иначе обстоит дело с преступлениями, входящими в группу № 3. В этих составах как умышленное, так и неосторожное отношение виновного к последствиям влечет ответственность по одному и тому же закону (ч. 1 ст. 165, ч. 1 ст. 166, ст. 198, ч. 1 ст. 217¹, п. «а» ст. 254 УК). Здесь важно, чтобы к самому деянию виновный относился умышленно и чтобы последствия оказались именно теми, которые указаны в названных нормах.

В свою очередь, установление факта неосторожной вины в обоих преступлениях группы № 1 или неосторожного отношения к деянию в посягательствах группы № 3 влечет за собой либо освобождение от наказания (например, остановка поезда стопкраном, вызвавшая соответствующие последствия, совершенная по неосторожности), либо квалификацию содеянного в целом как неосторожного преступления. Так, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР по делу Купцова указала: «Действия виновного, повлекшие смерть потерпевшего, могут рассматриваться как неосторожное убийство лишь в случаях, когда у виновного отсутствовал умысел не только на причинение смерти, но и на причинение тяжкого телесного повреждения»¹. В преступлениях же группы № 2 неосторожное совершение иного правонарушения, а в посягательствах группы № 4 совершение деяния по неосторожности никакого влияния на квалификацию не оказывают.

Касааясь вопросов соучастия в анализируемых

¹ Сборник постановлений Президиума и определений Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР. 1964—1972 — М.: Юрид. лит., 1974, с. 285.

² Там же, с. 176.

посягательствах, необходимо заметить, что неосторожная вина в преступлении (группы № 1 и 2) или по отношению к последствиям (группы № 3 и 4) предполагает ответственность за них только исполнителя, поскольку соучастие возможно лишь при умышленной вине (прямом и косвенном умыслах). Следовательно, если организатор, подстрекатель или пособник не желали или сознательно не допускали соответствующих последствий совершаемых исполнителем действий, то и нести ответственность за них эти лица не должны — здесь отсутствует субъективный признак соучастия, установленный в действующем законе (ч. 1 ст. 19 УК).

Таким образом, в преступлениях группы № 1 при двойной форме вины у исполнителя (в них всегда имеет место квалифицированный состав) соучастие исключается. Однако соучастие в простом составе данных посягательств возможно. В таких ситуациях ответственность исполнителя должна наступать, например, по ч. 3 ст. 101 УК, а иных соучастников — по соответствующей части ст. 19 и ч. 1 или 2 ст. 101 УК.

В посягательствах группы № 2, где преступление предполагает только неосторожную вину, соучастие невозможно ни в простых, ни в квалифицированных составах. Иное правонарушение, являющееся конститутивным признаком составов этой группы, может быть совершено умышленно, о чем говорилось выше. Поэтому, естественно, и исполнителя здесь могут подстрекать к совершению того или иного действия либо способствовать ему в этом. Например, пассажир может уговорить шофера вести транспортное средство с превышением установленной скорости. Однако эти действия не являются соучастием в преступлении, так как нарушение «Правил дорожного движения» само по себе образует лишь административное правонарушение. Если же в результате такого нарушения шофер смертельно травмировал пешехода, то ответственность по ч. 2 ст. 215 УК будет нести лишь он. Пассажир в этом случае от уголовной ответственности освобождается.

В преступлениях группы № 3 соучастие невозможно лишь тогда, когда они имеют смешанную форму вины, когда отношение к последствиям было неосторожным.

Так, если кто-либо склонил должностное лицо к использованию своего служебного положения вопреки интересам службы (подстрекательство), но при этом не предвидел, что в результате будет причинен существенный ущерб охраняемым законом интересам отдельных граждан, то его ответственность за соучастие в таком преступлении, как злоупотребление служебным положением, исключается. Но уголовная ответственность наступает, если тот же подстрекатель желал либо сознательно допускал наступление таких последствий.

Наконец, в преступлениях группы № 4 соучастие исключается во всех случаях, так как в них последствие наступает только по неосторожности (умышленного отношения к последствиям, как отмечалось, в преступлении этой группы быть не может). Само же деяние, без соответствующих последствий, преступления здесь не образует.

IV. КВАЛИФИКАЦИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ С ДВОЙНОЙ И СМЕШАННОЙ ФОРМАМИ ВИНЫ ПО ПРИЗНАКАМ СУБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ

Ответ на третий из поставленных во введении вопросов имеет специфическое обоснование применительно к преступлениям с двойной и смешанной формами вины. При этом, рассматривая проблему квалификации таких преступлений, следует вести речь лишь об отнесении их к умышленным или неосторожным, помня, что субъективное отношение виновного к деянию и последствиям занимает в них промежуточное положение между сформулированными в законе формами вины. Прав П. С. Дагель, который на вопрос, «является ли преступление при смешанной (добавим: и двойной — А. П.) форме вины в целом умышленным или неосторожным»¹, давал отрицательный ответ, а на вопрос, «могут ли преступления со смешанной (и двойной — А. П.) формой вины влечь последствия, установленные законом в отношении

¹ Дагель П. С., Котов Д. П. Субъективная сторона преступления и ее установление. — Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1974, с. 176.

умышленных преступлений»¹, отвечал положительно².

Ранее в литературе вопросы квалификации преступлений с анализируемыми формами вины решались применительно к оценке психического отношения лица к деянию и последствиям, поскольку именно в этом аспекте толковалось понятие смешанной формы вины. Однако это не давало положительного результата, на что обратили внимание противники данной концепции. «Нельзя не отметить,— пишет Г. А. Кригер,— что с позиции сторонников смешанной формы вины решение вопроса о характере субъективной стороны преступления в целом оказывается очень трудным. Так, если ориентироваться на решающее значение отношения лица к деянию, то это может привести к признанию умышленными тех преступлений, которые были совершены по неосторожности. При совершении многих неосторожных преступлений, как известно, виновный само действие совершает сознательно ... Не менее трудным оказывается положение, если при решении вопроса о характере субъективной стороны преступления в целом сторонники рассматриваемой концепции смешанной вины отдадут предпочтение форме вины лица по отношению к последствиям преступления. В подобных случаях, в частности, пришлось бы признать, что злоупотребление служебным положением может быть неосторожным преступлением»³.

В этой связи вопрос об отнесении преступлений с двойной и смешанной формами вины к умышленным или неосторожным должен решаться не только по тому, как относится виновный к деянию и его последствиям, но и с учетом объективных признаков состава, его законодательной формулировки: прежде всего следует точно установить тот объективный признак, который лежит в основе конструкции состава и в первую очередь определяет общественную опасность содеянного; затем выяс-

¹ Там же, с. 176.

² Справедливости ради следует заметить, что сторонники смешанной формы вины в решении данного вопроса расходятся. Так, Б. А. Куринов писал: «... когда речь идет о преступлении в целом, то о нем можно говорить только как об умышленном либо неосторожном деянии» (Автотранспортные преступления.— М.: Юрид. лит., 1970, с. 88).

³ Кригер Г. Еще раз о смешанной форме вины. — Сов. юстиция, 1976, № 3, с. 5.

нить психическое отношение лица именно к этому признаку, после чего решить поставленный вопрос.

Итак, преступления с двойной формой вины, как отмечалось, представляют собой учтенную законодателем совокупность двух посягательств, одно из которых является только умышленным, а второе — неосторожным (группа № 1). Анализ норм Особенной части УК дает основание сделать вывод, что, конструируя названные составы, законодатель неосторожному преступлению в этой совокупности придает дополнительное значение — оно выступает в качестве квалифицирующего признака. В основе же определения общественной опасности таких посягательств и их квалификации лежит преступление умышленное — именно оно главным образом раскрывает социальное содержание содеянного. Это легко установить при анализе таких преступлений с двойной формой вины, как, например, умышленное тяжкое телесное повреждение, вследствие которого наступила смерть потерпевшего (ч. 3 ст. 101 УК), умышленное уничтожение социалистического имущества, повлекшее человеческие жертвы (ч. 3 ст. 89 УК), да и всех других, входящих в эту группу. Вот почему в целом данные преступления должны быть отнесены к умышленным.

В составах с учтенной законодателем совокупностью иного правонарушения, которое может совершаться как умышленно, так и по неосторожности, и неосторожного преступления (группа № 2) этот вопрос должен решаться несколько иначе. Известно, что по сравнению с иными правонарушениями преступления представляют более высокую степень общественной опасности. Поэтому нелогично определять характер анализируемых посягательств на основе вины входящих в их совокупность иных правонарушений, а не преступлений. Здесь преступление должно доминировать, как бы поглощать иное правонарушение. К тому же в гражданском, трудовом, административном и иных отраслях права форма вины не играет сколь-нибудь значительной роли для ответственности. А. П. Ключниченко, например, пишет: «В отличие от уголовного права в советском административном праве нет резкого диссонанса между умышленной и неосто-

рожной виной»¹. Поэтому в посягательствах, которые, предположим, связаны с нарушением определенных правил или обязанностей, когда правила нарушаются умышленно, а последствия в виде причинения ущерба личности, собственности и т. п. наступают по неосторожности (как это имеет место в ст. 215 УК и других статьях этой группы), содеянное должно квалифицироваться как неосторожное преступление.

Наконец, в тех составах, которые хотя и не представляют собой учтенной законодателем совокупности иного правонарушения и преступления, но конструкция которых допускает умышленное отношение лица к деянию при неосторожном отношении к последствиям, решение этого вопроса зависит от следующих обстоятельств.

Если состав сконструирован так, что деяние в нем предполагает только умышленную вину, а к последствиям отношение лица может быть как умышленным, так и неосторожным (группа № 3), примером чему является злоупотребление властью или служебным положением (ст. 165 УК), то это преступление в целом необходимо относить к умышленным. Такое положение обусловлено тем, что акцент в определении общественной опасности этих посягательств делается на деянии — именно в нем прежде всего заключается антисоциальная сущность содеянного (опасность упомянутого преступления состоит именно в том, что лицо, наделенное специальными должностными полномочиями, использует их вопреки интересам службы). Последствия же здесь играют дополнительную роль, они как бы отодвигаются на второй план. Именно поэтому в таких составах прямо указывается на умышленность деяния (умышленное использование должностным лицом своего служебного положения... — ст. 165 УК, самовольное совершение определенных действий — ст. 198, 217¹ УК и т. п.). Здесь же можно добавить, что при квалификации тех составов, конструкция которых предполагает только умышленное поведение лица — об этом может говорить такая употребленная законодателем терминология,

как «умышленное» (ст. 78, ч. 2 ст. 165, ч. 2 ст. 193 УК), «заведомое» (ст. 215² УК), «незаконное» (ст. 225, 226 УК), либо на это указывает формулировка диспозиции статьи (ст. 112 УК), — никаких сомнений об отнесении их в целом к умышленным быть не может, в том числе когда вина в составе окажется двойной или смешанной.

В свою очередь, если преступление в законе сконструировано так, что деяние в нем предполагает как умышленную, так и неосторожную вину, а к последствиям отношение лица может быть только неосторожным (группа № 4), то этот состав во всех случаях необходимо относить к неосторожным. Здесь, в противоположность сказанному выше, в основе определения общественной опасности посягательства лежат последствия, к которым отношение лица должно быть только неосторожным. Характер же его субъективного отношения к деянию в оценке опасности посягательства играет вспомогательную роль, отодвигается на второй план. Например, антисоциальная сущность нарушения правил охраны труда (ч. 1 ст. 135 УК) состоит прежде всего в том, что это нарушение ставит в опасность здоровье или жизнь людей либо создает угрозу наступления иных тяжких последствий. И поскольку виновный к этому относится неосторожно, то его отношение к самому нарушению по существу для квалификации не имеет значения. Поэтому, конструируя такие составы, законодатель и не определяет характер вины в отношении деяния, допуская возможность как умысла, так и неосторожности.

Небезынтересно в этой связи заметить, что в случаях, когда конкретное посягательство, входящее в группу № 4, причиняет ущерб, который сам по себе образует самостоятельное преступление (например, при нарушении правил безопасности горных работ — ч. 1 ст. 218 УК — причиненный здоровью людей вред выразился в телесных повреждениях средней тяжести — ст. 105 УК¹), то этот состав должен быть включен в группу

¹ См. п. 7 постановления Пленума Верховного Суда УССР от 26 июля 1974 г. «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике о нарушениях правил охраны труда и техники безопасности» (Збірник постанов Пленуму Верховного Суда Української РСР. 1962—1976 рр.— Київ: Політвидав України, 1977, с. 167).

¹ Ключниченко А. П. Административная ответственность за правонарушения, подведомственные органам внутренних дел.— Киев: КВШ МВД СССР, 1975, с. 8.

№ 2 — совокупность иного правонарушения и преступления. Однако и в этой группе данное преступление будет отнесено к неосторожному.

На основании изложенного представляется весьма спорным мнение, согласно которому, «когда у виновного имелся умысел по отношению к вредным последствиям, общественно опасное деяние в целом должно рассматриваться как умышленное, если же к вредным последствиям имела место неосторожность — преступление в целом должно квалифицироваться как неосторожное деяние»¹. Если исходить из этого правила, то, например, злоупотребление служебным положением при неосторожном отношении к последствиям (ч. 1 ст. 165 УК) должно рассматриваться в качестве неосторожного преступления, что, разумеется, было бы неверным, а решить вопрос о принадлежности умышленного тяжкого телесного повреждения, вследствие которого наступила смерть потерпевшего (ч. 3 ст. 101 УК), к умышленным или неосторожным преступлениям вообще было бы невозможно.

Трудно согласиться и с таким утверждением: «Что же касается неосторожных преступлений, то в соответствии со ст. 9 УК для установления вины вообще не требуется выяснения психического отношения лица к деянию. В этой связи превращение в вину психического отношения к тому, что безразлично для законодателя, вряд ли приемлемо»². Как уже отмечалось, концепция двойной и смешанной форм вины не «превращает» отношение лица к деянию в самостоятельную вину, но создает предпосылки для более точного определения общественной опасности преступления и личности виновного, а также для правильной квалификации содеянного. К тому же в приведенной цитате предлагается несколько необычный подход к определению вины в конкретном составе: здесь исходят из несомненности того, что данное преступление неосторожное, в связи с чем отпадает необходимость анализировать психическое отношение виновного к совершаемому им деянию. Однако на прак-

¹ Советское уголовное право: Общая часть. — М.: Изд-во МГУ, 1981, с. 204.

² При определении форм вины нужно исходить из требований закона (итоги дискуссии). — Сов. юстиция, 1980, № 24, с. 25.

тике все происходит в обратном порядке: вначале устанавливается психическое отношение лица к совершаемому им деянию и его последствиям, а уже затем определяется форма и вид вины. Поэтому избегать «выяснения психического отношения лица к деянию» не только неправильно по существу, но и невозможно по форме.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог анализу преступлений с двойной и смешанной формами вины, можно заключить, что они не так уж и редки в уголовном праве. В настоящем учебном пособии не дается исчерпывающего перечня этих посягательств, хотя автор и стремился к максимально полному установлению последних. Дело в том, что дать полный их перечень можно лишь после детального анализа под этим углом зрения каждого состава в отдельности, но в работе подобного плана сделать это практически невозможно. Тем не менее и здесь приводится более сорока статей с двойной и смешанной формами вины, что составляет примерно пятую часть общего их числа в Особенной части УК. Более того, по мере развития научно-технического прогресса количество посягательств, в которых отношение лица к деянию и последствиям выражается в названных формах вины, будет увеличиваться. Прав в этой связи И. И. Карпец, который отмечает: «Еще более ясно вопрос о смешанной форме вины встает при экспериментировании. В этих случаях деяние всегда умышленно, экспериментатор, совершая какое-либо действие, действует умышленно; часто идя на риск, он желает наступления благоприятных последствий, но в то же время допускает возможность наступления вредных последствий, надеясь предотвратить их»¹. Это указывает на актуальность данной про-

¹ Карпец И. И. Современные проблемы уголовного права и криминологии. — М.: Юрид. лит., 1976, с. 184. См. также: Давыдов П. С. Ответственность за неосторожные преступления. — В кн.: Совершенствование мер борьбы с преступностью в условиях научной технической революции. М.: Наука, 1980, с. 156—157, 162; Корчева З. Г. Сложная форма вины в преступлениях, связанных с нарушением специальных правил. — В кн.: Проблемы соц. законности на современном этапе ком. стр-ва: Краткие тез. докл. и науч. сообщ. респ. науч. конф. 21—23 ноября 1978 г. Харьков: Юрвуз, 1978, с. 203

блемы, актуальность, в значительной степени обусловленную насущными потребностями практики настоящего времени.

Нельзя не отметить и того, что само по себе исследование составов в плане двойной и смешанной формы вины ставит целый ряд интересных проблем. Вот несколько из них:

— некоторые нормы Особенной части УК формулируются таким образом, что для решения вопроса об уголовной ответственности форма вины никакого значения не имеет. Иными словами, она в полной мере может быть или умышленной, или неосторожной, или двойной, или смешанной (в различных сочетаниях). Примером этому может служить п. «в» ст. 251 УК — нарушение правил несения боевого дежурства (п. «а» ст. 251 УК), повлекшее тяжкие последствия. По мнению Н. И. Загородникова, которое представляется достаточно обоснованным, в этом посягательстве «субъективная сторона ... может иметь форму как умысла, так и неосторожности»¹. Следовательно, здесь возможен умысел и к нарушению правил несения боевого дежурства, и к тяжким последствиям (виновный, например, сознательно допускал возможность проникновения иностранного самолета-разведчика в воздушное пространство СССР), либо неосторожность к тому и другому, или умысел к нарушению и неосторожность к тяжким последствиям. Возникает вопрос: при всех ли формах вины это преступление относится к тяжким в силу того, что оно указывается в ст. 7¹ УК, где, однако, говорится, что тяжкими признаются только умышленные деяния;

— анализ многих составов показывает, что двойная или смешанная форма вины может иметь место и в других, не рассмотренных в настоящем пособии, случаях, например, при оценке психического отношения лица к признакам, характеризующим потерпевшего. Так, Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 25 марта 1964 г. «О судебной практике по делам об изнасиловании» указал: «Одним из оснований для квалификации изнасилования по ч. 3 ст. 117 УК РСФСР и соответствующих статей УК других союзных респуб-

лик является несоверженнолие потерпевшей. Применяя этот закон, суды должны учитывать, что в силу ст. 3 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик уголовной ответственности подлежит лицо, которое знало или допускало, что совершает насильственный половой акт с несовершеннолетней, либо могло и должно было это предвидеть»¹. Очевидно, что в последнем варианте при формулировании вины лица использовано сочетание положений ст. 8 и 9 УК — само изнасилование предполагает только прямой умысел, а отношение к факту несоверженнолетия потерпевшей может быть неосторожным. Известно, что такое разъяснение Пленума вызвало среди криминалистов дискуссию, которая, как представляется, могла бы быть более успешно решена с учетом положений о квалификации преступлений с двойной и смешанной формами вины.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Введение	3
I. Понятие двойной формы вины	7
II. Понятие смешанной формы вины	18
III. Некоторые вопросы соотношения двойной и смешанной форм вины с положениями Общей части советского уголовного права	35
IV. Квалификация преступлений с двойной и смешанной формами вины по признакам субъективной стороны	43
Заключение	49

¹ Советское уголовное право: Часть Особенная.— М.: Юрид лит., 1983, с. 460.

¹ Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924—1977: Часть 2.— М.: Известия Советов народных депутатов СССР, 1978, с. 196—197.

**Анатолий Алексеевич
Пинаев**

**ОСОБЕННОСТИ СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
С ДВОЙНОЙ И СМЕШАННОЙ ФОРМАМИ ВИНЫ**

Учебное пособие

Редактор *А. А. Гришакова*

Сдано в набор 10.04.84. Подписано к печати 5.05.84 г. Формат 84×108^{1/32}. Бум. тип. № 2. Печ. выс. 2,73 усл. печ. л.; 2,97 уч.-изд. л. Тираж 1000 экз. Заказ № 4-1051. Цена 15 к.

Редакционно-издательский отдел Харьковского юридического института им Ф. Э. Дзержинского. 310024, Харьков, 24, Пушкинская, 77.

Типография издательства «Соціалістична Харківщина»,
Харьков, Московский просп., 247.